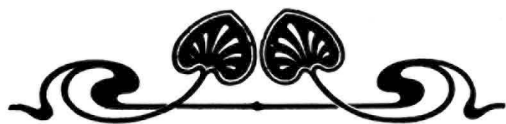

Четвергъ, 2 Іюля 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Памяти Чехова.

1904 г.—2 іюля—1909 г.

Послѣднія бѣлыя ночи... Ночи безсонныя, ночи безумныя... Не спится въ такія ночи.

Дремлютъ тихіе домики, дремлетъ бѣлая церковка нашего дачнаго поселка и грезить бѣлая ночь.

Я только что пришелъ изъ театра. Я люблю этотъ милый, лѣтній театрикъ. Я шель тихой лѣсной тропинкой. Впереди меня шли двѣ юныя дѣвушки. Дѣвушки съ нѣжнымъ сердцемъ и красивыми мыслями. Шли медленно, бѣлыя и чистыя.

— Соня, на-дняхъ, пятая годовщина смерти Чехова.. милаго Чехова,—скорбно мечтательно сказала одна изъ дѣвушекъ.

— Да, вотъ ужъ пять лѣтъ прошло,—отвѣтила другая тихо и грустно..

Это была чеховская Анна Зарѣчная, милая чистая „Чайка“.

Я знаю этихъ дѣвушекъ. Я видѣлъ ихъ пять лѣтъ тому назадъ у краснаго вагона для устрицъ, въ которомъ привезли дорогое тѣло Антона Павловича... Эти дѣвушки тогда пришли поклониться праху незабвеннаго Антона Павловича. Пришли съ цвѣтами и искренними слезами, пришли сказать послѣднее прости своему усопшему любимцу..

Я вижу этихъ милыхъ дѣвушекъ каждый день въ нашей дачной глуши среди голубыхъ просторовъ и серебристыхъ рѣчушекъ русскаго захолустья. И всѣ онѣ съ нѣжнымъ сердцемъ и красивыми мыслями, съ тихимъ, нѣжнымъ взоромъ. Такія мягкія и безконечно трогательныя.

Обаятельное имя незабвеннаго милаго Антона Павловича неразрывно связано съ русской женщиной, съ новымъ русскимъ театромъ. Русскія дѣвушки способны всѣмъ сердцемъ понимать и чувствовать близкій, родной образъ Антона Павловича.

Присмотритесь къ нашимъ лѣтнимъ театрикамъ.. Тамъ счастливѣйшіе часы своей жизни переживаютъ юныя дѣвушки. Тамъ сняты имъ ясные сны, несбыточные, но красивые.

Каждую весну, каждое лѣто вмѣстѣ съ Треплетымъ является въ сѣренскій досчатый театрикъ милая Анна Зарѣчная. Въ душѣ ея—набатъ молодости. Слышенъ ея выкрикъ: „Я чайка—я актриса!“ Милыя русскія дѣвушки съ вашей красивой и блѣдной печалью — ваша блуждающая душа ищетъ простора. Въ дачной глуши.. тамъ тишина, золотой воздухъ и солнце и въ юные дни вѣрится въ свѣтъ, въ жизнь. Съ желаніемъ ласки въ молодомъ сердцѣ, со счастьемъ ожиданія вы приходите въ маленькій

лѣтній театрикъ, гдѣ счастливо страдаетъ молодость.

Пройдутъ ясные дни для многихъ изъ васъ и коснется васъ холодъ разочарованія... Но вы были счастливы, хотя-бы одинъ короткій мигъ..

Вы будете жить красивой и блѣдной печалью и ваша бѣдная утомленная жизнь согрѣется усталой мечтой... и вы будете еще вѣрить, что счастье и правда существуютъ гдѣ-то въ жизни... упорно будете вѣрить, что скоро наступитъ новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотреть въ глаза судьбѣ. А когда изъ молодыхъ, красивыхъ дѣвушекъ вы превратитесь въ тихихъ, робкихъ женъ неудачниковъ мужей, которые съ каждымъ днемъ опускаются, пьютъ, играютъ въ винтъ и совершенно забываютъ о васъ, въ душѣ вашей прозвенятъ слова Чеховской Соня—„тамъ.. тамъ мы найдемъ покой... услышимъ ангельскіе напѣвы и увидимъ все небо въ алмазахъ“... Въ ужасныя, тоскливыя ночи вы будете стремиться въ Москву, въ Москву... Вамъ будетъ казаться, что гдѣ-то тамъ на небѣ горитъ одна печальная, голубая звѣзда милая и печальная и зоветъ васъ...

Тѣмъ милаго, незабвеннаго Антона Павловича коснется васъ.. точно крыломъ прошумитъ райская птица и новыя сказки разбудитъ въ усталой душѣ.

Когда я смотрю на наши жалкіе, досчатые, дачные театрики, невольно приходитъ мысль о томъ, какую серьезную роль сыграли именно дачный театрикъ въ судьбѣ новой русской сцены. Театръ Станиславскаго, театръ, воплотившій Чехова, краса и гордость русскаго искусства, впервые проявилъ себя въ подмосковскомъ сарайчикѣ-танцулькѣ..

Когда я бываю въ дачныхъ театрикахъ, и на скромныхъ подмосткахъ я вижу этихъ юныхъ, восторженныхъ дѣвушекъ, хочется вѣрить въ неуязвимость молодости, въ право молодости быть счастливой и яркою. Хочется крикнуть этимъ юнымъ дѣвушкамъ, кроткимъ и мечтательнымъ: вперед... къ путеводной звѣздѣ вашей, которая мерцаетъ вдали, манитъ... и кажется, что съ этой „голубой“ предутренней звѣзды смотреть на нихъ милое, незабвенное лицо Антона Павловича.

Андрей Ростовцевъ.